

Хартунг Виктория Юрьевна

**АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА КАК ПРИМЕР
"ОТКРЫТОГО" ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. ГЕЙМАНА "КОРАЛИНА")**

В статье ставится задача рассмотреть поэтику и структуру англоязычной литературной сказки как одного из видов постмодернистского литературного дискурса. Проанализировав образную структуру, аллюзивные маркеры и традиционные бинарные оппозиции сказки на примере одного из произведений известного постмодерниста Н. Геймана, автор приходит к выводу, что современная авторская сказка представляет собой яркий образец так называемого "открытого" текста, предполагающего бесконечное множество возможных взаимообусловленных интерпретаций и активную роль читателя в порождении текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Мердок А. Море, море / пер. с англ. М. Лорие. М.: АСТ, 2004. 540 с.
7. Мердок А. Суверенность блага / пер. с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // Логос. 2008. № 1. С. 117-137.
8. Мердок А. Черный принц / пер. с англ. И. Бернштейн, А. Поливановой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. 624 с.
9. Скороденко В. А. Достоинство человека и хаос жизни (заметки о романах Айрис Мердок) // Мердок А. Сочинения: в 3-х т. М., 1991. Т. 1. С. 5-18.
10. Скоропанова И. Мир как текст [Электронный ресурс] // Скоропанова И. Мини-словарь постмодернистской терминологии. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_141 (дата обращения: 13.06.2016).
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 192-220.
12. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 177-192.
13. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. М., 1986. С. 255-275.
14. Dooley G. Good versus Evil in Austen's "Mansfield Park" and Iris Murdoch's "A Fairly Honourable Defeat" [Электронный ресурс] // Transnational Literature. Adelaide: Flinders University, 2009. Vol. 1. № 2. URL: http://fhrc.flinders.edu.au/transnational/vol1_issue2.html (дата обращения: 15.06.2016).
15. Luprecht M. Death and Goodness: Bruno's Dream and the Sovereignty of Good over Other Concepts // Iris Murdoch and Morality / ed. A. Rowe, A. Horner. L.: Palgrave MacMillan, 2010. P. 113-126.
16. Moore S. H. Murdoch's Fictional Philosophers: What They Say and What They Show // Iris Murdoch and Morality / ed. A. Rowe, A. Horner. L.: Palgrave MacMillan, 2010. P. 101-113.

DIALOGUE OF TWO NARRATIVES IN I. MURDOCH'S NOVELS OF THE END OF THE 1960-1970S

Timonina Tat'yana Yur'evna
Immanuel Kant Baltic Federal University
tatjana.timonina@mail.ru

The article analyzes the specifics of dialogue between two narration levels in I. Murdoch's creative work: philosophical-analytical level conditioned by the specificity of author's rationality and esthetic and artistic level generated by the texture of Western symbolic meta-text of the XX century. The originality of Murdoch's artistic narrative involves, first of all, the peculiarities of Murdoch's original hermeneutics of light which manifests itself in her own poetology of light.

Key words and phrases: Murdoch; existentialism; Platonism; narrative; meta-text; poetology of light.

УДК 821.111

В статье ставится задача рассмотреть поэтику и структуру англоязычной литературной сказки как одного из видов постмодернистского литературного дискурса. Проанализировав образную структуру, аллюзивные маркеры и традиционные бинарные оппозиции сказки на примере одного из произведений известного постмодерниста Н. Геймана, автор приходит к выводу, что современная авторская сказка представляет собой яркий образец так называемого «открытого» текста, предполагающего бесконечное множество возможных взаимообусловленных интерпретаций и активную роль читателя в порождении текста.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; литературная сказка; авторская сказка; интертекстуальность; открытый текст; аллюзия; культурный код.

Хартунг Виктория Юрьевна, к. филол. н.
Оренбургский государственный педагогический университет
vgerasimv@mail.ru

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА КАК ПРИМЕР «ОТКРЫТОГО» ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. ГЕЙМАНА «КОРАЛИНА»)

Постмодернистский литературный дискурс, являющийся предметом пристального интереса литературоведческих и лингвистических исследований на протяжении последних десятилетий, представляет собой особую систему смыслов и принципов текстопорождения, основными характеристиками которой являются отсутствие жестко структурированной мировоззренческой модели мира, размывание ценностных и эстетических категорий, осознанный отказ от установок и норм. Постмодернистская парадигма включает в себя гибридизацию жанров, принцип читательского сотворчества, интертекстуальность с ее опорой на все многообразие культурного наследия и многообразие культурных кодов, принцип языковой игры, реализуемый как на уровне плана содержания, так и плана выражения, многозначность знакового кода, «множественное» кодирование и иные черты, в своей совокупности создающие тот размытый, многомерный и многозначный мир, который мы называем постмодернистским дискурсом [3, с. 14].

Философско-эстетическое влияние постмодернизма прослеживается во всех формах и жанрах современной литературы, в том числе и в такой, на первый взгляд, традиционной литературной форме, как сказка. Англоязычная авторская, или литературная, сказка XX-XXI вв., с одной стороны, сохраняет внешние структурные признаки, свойственные фольклорным сказкам, – линейное развертывание сюжета, конечную инвариантность функций – поступков действующих лиц, набор ролей, соотношенных с этими функциями, и т.п. [4, с. 11]. Большинство авторских сказок свойственны такие типичные признаки народного творчества, как фантастический

хронотоп (неопределенность места и времени описываемых событий), иррациональный элемент, наличие морального урока [2, с. 58].

Вместе с тем, авторская сказка не может не испытывать на себе влияния общелитературных тенденций, превращаясь в произведение, отражающее основные черты литературы постмодернизма, со всей его неопределенностью и неоднозначностью. Текст сказки превращается, согласно определению У. Эко, из «закрытого», нацеленного на конкретную, в данном случае детскую аудиторию, предполагающего однозначную, последовательно-линейную интерпретацию сюжетных смыслов, в «открытый», «когда каждая интерпретация откликается во всех прочих», когда читатель воспринимает текст как лабиринт, «состоящий из множества запутанных маршрутов» [5, с. 21]. При этом при всем богатстве вариантов интерпретации, при всей множественности задействованных культурных кодов интерпретация не может быть произвольной или случайной. Процесс интерпретации становится элементом процесса порождения самого текста, а читатель – соавтором, чье непосредственное участие помогает тексту полностью актуализовать свое потенциальное содержание. Другими словами, автор предлагает читателю произведение, которое необходимо завершить, некое многообразие возможностей, организованное по замыслу самого автора и «наделенное внутренними потребностями развития» [Там же, с. 109].

Активная роль читателя в постмодернистской сказке подкрепляется типичной для постмодернизма многоуровневой организацией текста, позволяющей произведению не иметь ограниченной целевой аудитории, а быть нацеленным на разные группы читателей одновременно: взрослую и детскую аудитории, массового и элитарного читателя, используя одновременно несколько жанровых кодов, сочетая развлекательность и интеллектуальность.

Н. Гейман является, возможно, одним из самых ярких представителей постмодернизма в жанре литературной сказки, а точнее – в том эклектическом смещении жанров и культурных кодов, которое образует направление, определяемое в западной лингвистике и литературоведении как «фэнтези». В его творчестве ярко отразились основные принципы постмодернистской литературы, где принцип неопределенности и множественности, принцип равноправия не только культурных моделей, но и соответствующих им культурных кодов является основополагающим.

Эти принципы ярко проявляются и в нарративной структуре такой известной сказки Н. Геймана, как «Коралина», ставшей ярким явлением не только в литературе, но в массовой культуре в целом.

На первый взгляд, сюжетная структура этой сказки является достаточно простой, представляя собой классическую волшебную сказку-квест с прямоточной композицией [1, с. 32], традиционным набором персонажей-ролей (герой – Коралина, антигерой – «другая» мать, помощник героя – кот и т.д.) и сюжетных ходов-функций (путешествие, обретение волшебного предмета, промежуточное испытание и т.д.). Именно такой сказка и выглядит в глазах «наивного» читателя, в данном случае – ребенка, для которого эта сказка написана. Однако взрослый способен увидеть в повествовании иные смыслы и жанровые коды, разглядеть в сказке и классическую «историю взросления» (coming-of-age novel), и эстетику романов и фильмов жанра “horror”.

Бинарная структура сказочных функций, свойственная как фольклорным, так и литературным сказкам (добро – зло, потеря – обретение, действие – противодействие и т.п.), на пространстве постмодернистской сказки превращается скорее в некое дуалистическое единство, где противопоставление и сопоставление сменяют друг друга в свойственной постмодернизму языковой игре. Рассмотрим, к примеру, оппозицию реального и нереального в описании дома Коралины в двух мирах. На поверхностном уровне бинарная оппозиция однозначна: реальному дому противопоставлен нереальный, воображаемый, искусственно созданный дом в «другом» мире.

Coraline had time to observe that the house itself was continuing to change, becoming less distinct, and flattening out, even as she raced down the stairs. It reminded her of a photograph of a house now, not the thing itself [6]. / Коралина успела заметить, что дом продолжал меняться, теряя четкие очертания и становясь плоским по мере того, как Коралина сбегала вниз по ступеням. Сейчас он скорее напоминал фотографию дома, чем настоящий дом (здесь и далее пер. автора статьи – В. Х.).

Вместе с тем описание «настоящего» дома несет на себе черты нереальности, воображаемого мира готических романов и рассказов Э. По, где дом тонет в тумане и каждая вещь является не тем, чем кажется, где в саду камни похожи на лягушек, а жабы напоминают камни. Н. Гейман создает сложное нарративное пространство, напоминающее зеркальную комнату, в которой дуальные концепты, многократно отражаясь друг в друге, меняясь и искажаясь, создают, тем не менее, связную ткань повествования.

Дуализм реального – воображаемого, вещи – символа (символы деревьев, белый лист тумана), банального – необычного, забавного – зловещего (мышь – крысы, собаки – летучие мыши), живого – неживого и т.п. находит свое воплощение как в плане содержания, так и в плане выражения. Следующий отрывок демонстрирует, как «другой» отец превращается из одушевленного существа в «вещь», лишенную души абстракцию, что отражается в употреблении притяжательных местоимений и существительного “thing” в прямом обращении.

Coraline patted its hairless head. Its skin was tacky, like warm bread dough. “Poor thing,” she said. “You’re just a thing she made and then threw away” [ibidem]. / Коралина похлопала его по безволосой голове. Его кожа была липкой, как тесто. – Бедняга, – сказала она. – Ты всего лишь вещь, которую она создала, а потом выбросила за ненадобностью.

Идея зеркальности, противопоставления подобных, но не идентичных сущностей – основной принцип построения повествования в сказке Геймана, при этом каждая сущность также дуальна по своей природе и демонстрирует противоположные признаки. «Другая» мама, изначально воспринимаемая как идеализированное воплощение материнской заботы, существа, живущего для своего ребенка и тем противопоставленная равнодушной и самоуглубленной реальной матери, превращается в сущность, желающую этого ребенка проглотить. Прекрасная дама (belle dame) превращается в ведьму (beldam) [8], антитеза превращается в синтез, усложняя образную структуру персонажа.

“She wants something to love, I think,” said the cat. “Something that isn’t her. She might want something to eat as well. It’s hard to tell with creatures like that” [6]. / – Ей нужно что-то любить, я полагаю, – ответил кот. – Что-то, что ей не принадлежит. А может, ей хочется что-то съесть. С такими созданиями трудно быть уверенным.

Идея трансформации, искажения, изменения формы, свойственная постмодернистской парадигме – еще одна центральная идея повествования. Престарелые актрисы сливаются в единое перекрученное существо, старик сосед рассыпается множеством крыс, «другой» отец разбухает, словно тесто, собаки трансформируются в летучих мышей. Однако все эти изменения не создают новые сущности, а лишь уродуют и искажают существующую реальность, поскольку «другая» мать, способная лишь отбирать и присваивать, не способна на самостоятельную творческую деятельность, контрпродуктивна.

The other mother could not create. She could only transform, and twist, and change [Ibidem]. / Другая мама не умела создавать. Она могла только переделывать, перекручивать или изменять.

В этой неопределенной, текучей, искаженной реальности лишь немного остается стабильным и не подвергается удвоению: одна дверь, один ключ, одна Коралина. Именно Коралина и является ключом к этому миру, это ее страхи, желания и комплексы создают то причудливое окружение, в которое она попадает, как в мышеловку, и лишь осознав свои страхи и овладев своими желаниями, она получает силу и власть закрыть эту дверь. Это преображение капризного подростка, ее становление как взрослой личности, изменение внутренней сути героини не свойственно сказочному дискурсу, а скорее отражает черты иного литературного жанра, а именно, как уже говорилось выше, историй взросления, “coming-of-age novels”.

Интересна геймановская интерпретация значения имени героя как его определяющего признака, его идентификата. С одной стороны, имени как символу персонажа придается большое, часто определяющее значение. Одной из претензий Коралины к реальному миру является то, что они даже «имя ее правильно выговорить не могут», тем самым отказывая ей в правильной идентификации, лишая ее места в этом мире. Лишь когда она проходит все испытания, переосмысливая себя и окружающую ее действительность, ей удается закрепить свое имя и, тем самым, свое место в сознании окружающих. Призраки детей, потеряв себя в мире кошмаров, лишившись души, теряют и свои имена. Забавный старик с верхнего этажа обретает имя лишь на последних страницах сказочной повести, одновременно получая свое место в мире Коралины.

Вместе с тем еще один персонаж сказки, кот, осознанно отказывается от необходимости носить какое-либо имя. В этом случае какой-либо идентификатор оказывается ненужным, избыточным, поскольку, в отличие от Коралины, пытающейся найти свое место по отношению к определенной системе, кот пребывает вне системы и не нуждается в подобном определении. Символ имени как знак становится пустым, лишаясь означаемого.

“No,” said the cat. “Now, you people have names. That’s because you don’t know who you are. We know who we are, so we don’t need names” [Ibidem]. / – Нет, – сказал кот. – У вас, людей, есть имена. Это потому, что вы сами не знаете, кто вы такие. А мы знаем, и поэтому имена нам не нужны.

Многочисленной интерпретации смыслов сказки во многом способствует ее аллюзивный характер, где многочисленные аллюзивные отсылки, цитаты и реминисценции выстроены в стройную сбалансированную систему, обеспечивая возможность более широкой и вариативной интерпретации данного произведения. Используя аллюзию в широком смысле этого слова, как одну из форм реализации интертекстуальности, Гейман активизирует процесс восприятия, в том числе и через выстраиваемую им парадоксальность образного ряда, создавая художественный подтекст, необходимый для передачи художественного смысла.

Один и тот же образ сплетается из множества аллюзивных образов-осколков, порождая нечто новое и, вместе с тем, легко узнаваемое, причем неизбежная при этом субъективная потеря смыслов или интерпретационные ошибки могут быть легко компенсированы при декодировании параллельных образов-отсылок. Искусанный читатель легко увидит в этом произведении травестию к «Алисе в стране чудес» и «Алисе в Зазеркалье», даже если не узнает в темном таинственном коридоре аллюзии кроличьей норы. Читатель, знакомый с жанром “horror”, не поверит, что зло окончательно побеждено, когда Коралине удастся закрыть дверь в страну кошмаров, ведь, согласно законам этого жанра, злодей (в данном случае в виде своей части-руки) всегда возвращается снова.

Каждый образ сказки представляет собой причудливое сочетание нескольких аллюзивных цепочек. Кот вызывает в памяти не только многочисленных животных-помощников волшебных фольклорных сказок, но и Чеширского кота Л. Кэрролла, и кипплинговскую кошку, гулявшую саму по себе, и египетских мифических кошек, стоящих на страже между реальным и потусторонним мирами, символизируя одновременно целостность и неопределенность, уверенную самоидентификацию, любопытство, независимость.

Образ «другой» матери – один из самых многогранных в сказке, и создавшие его аллюзивные отсылки столь же сложны и противоречивы. Здесь и многочисленные злые мачехи и злые ведьмы волшебных сказок, часто сливающиеся воедино в нарративе самих этих сказок, и базовый архетип поглощающей материнской любви, и малоизвестная русскому читателю викторианская повесть-сказка «Новая мать», написанная в XIX веке Люси Клиффорд [7]. Читатель начинает воспринимать угрозу, исходящую от «другой» матери, едва ли не раньше, чем сама Коралина, глядя на ее длинные, постоянно шевелящиеся пальцы, напоминающие ножки насекомого или паука, ее глаза-пуговицы, символизирующие отсутствие души. Для искусанного, образованного читателя «другая» мать – это еще и Медуза [8], с ее волосами, «шевелиющимися, как ленивые змеи в теплый день» (wriggling like lazy snakes on a warm day), как «щупальца загадочных существ в глубоком океане» (like the tentacles of a creature in the deep ocean). Как и Медуза, она совмещает в себе одновременно ужас и очарование, единство хаоса и порядка, красоты и коварства.

Таким образом, на примере сказки Н. Геймана «Коралина» мы видим, что поэтика постмодернистской сказки – это поэтика «открытого» текста, это произведение в движении, допускающее и предполагающее бесконечное множество аспектов самого произведения, которые, отражаясь друг в друге и взаимодействуя друг с другом, взаимно раскрывают скрытые в них смыслы, а также бесконечное множество аспектов интерпретации, которые не взаимно исключают, но взаимно дополняют друг друга при активном участии интерпретирующей личности.

Список литературы

1. **Белецкая А. Ю.** Типы композиции англоязычного постмодернистского романа // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: II Международная научно-практическая конференция ОГПУ. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 27-98.
2. **Вахрушева М. И.** Языковое и жанровое своеобразие цикла сказок Я. Аржуни „Idioten. Fünf Märchen“ // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: II Международная научно-практическая конференция ОГПУ. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 57-65.
3. **Киреева Н. В.** Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов. М.: Флинта; Наука, 2004. 216 с.
4. **Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.** Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. Традиция – текст – фольклор / под ред. С. Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2001. С. 11-121.
5. **Эко У.** Роль читателя: исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.
6. **Gaiman N.** Coraline [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rednovels.net/fiction/u3108.html> (дата обращения: 10.07.2016).
7. **Goss J.** The Mother with the Button Eyes: An Exploration of the Story Construct of the ‘Other-mother’ [Электронный ресурс] // Papers: Explorations into Children’s Literature. 2009. Vol. 19. № 1. P. 69-72. URL: <http://search.informit.com.au/documentSummary;dn=374747299558939;res=IELHSS> (дата обращения: 15.07.2016).
8. **Rudd D.** An Eye for an I: Neil Gaiman’s “Coraline” and the Question of Identity [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/30502993_An_Eye_for_an_I_Neil_Gaiman's_Coraline_and_Questions_of_Identity (дата обращения: 13.07.2016).

**ENGLISH POSTMODERN LITERARY TALE AS AN EXAMPLE OF THE “OPEN” TEXT
(BY THE MATERIAL OF THE TALE “CORALINE” BY NEIL GAIMAN)**

Khartung Viktoriya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Orenburg State Pedagogical University
vgerasimv@mail.ru

The article aims to examine the poetics and structure of the English literary tale as one of the types of postmodern literary discourse. Having analyzed the imagery structure, allusive markers and traditional binary oppositions of a tale by the example of one of the works of the famous postmodern writer N. Gaiman the researcher concludes that modern author’s tale is a striking example of the so called “open” text presupposing numerous interdependent interpretations and active role of a reader in text generation.

Key words and phrases: post-modernism; literary tale; author’s tale; intertextuality; open text; allusion; cultural code.

УДК 82

Статья посвящена эпистолярному наследию публицистов ингушского зарубежья. Письма писателей ингушской зарубежной диаспоры, являясь документами эпохи и отражая многогранность личностей участников переписки, представляют большой интерес для ингушского литературоведения, для исследователей, занимающихся вопросами ингушского зарубежья. В данной работе рассматривается круг проблем, поднимаемых авторами переписки. Письма ингушской зарубежной диаспоры впервые становятся объектом исследования. Анализ архивных источников, введение в научный оборот эпистолярного наследия писателей ингушского зарубежья представляются актуальными, так как это способствует осмыслению их жизненного и творческого пути.

Ключевые слова и фразы: ингушская зарубежная диаспора; ингушская эмиграция; этапы переселения; эпистолярное наследие; письма; публицисты.

Ялхарова Марем Ахметовна, к. филол. н.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева
maretyalharoeva@mail.ru

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИНГУШСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ

В истории ингушской эмиграции хронологически выделяется три этапа. Первый этап – переселение по экономическим, политическим и духовно-нравственным мотивам в Османскую империю, охватившее все народы Северного Кавказа во второй половине XIX века после окончания Кавказской войны. Вторая волна ингушской